

Варламов Александр Николаевич

ФОЛЬКЛОРНЫЙ СЮЖЕТ И ИСТОРИЯ: К ВОПРОСУ О КОНТАКТАХ ТУНГУСОВ НА ВОСТОКЕ

Статья посвящена проблеме соотношения фольклора и истории. В публикации предпринимается попытка обнаружения взаимосвязи фольклорного сюжета со сведениями, касающимися истории тунгусо-маньчжурских народов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2012/1/7.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 1 (12). С. 33-36. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2012/1/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

17. **Fluent Tibetan: a Proficiency-Oriented Learning System. Novice and Intermediate Levels** / W. A. Magee and E. S. Napper; Jeffrey Hopkins, General Editor; in collaboration with Ngawang Thondup Narkyid, Geshe Thupten Jinpa, Kunsang Y. King, J. B. Levinson, Jigme Ngapo, D. E. Perdue, Dolma Tenpa and S. N. Weinberger. Ithaca, N. Y.: Snow Lion Publications, 1993. 1000 p.
18. **Goldstein M., Nawang Norngang.** Modern Spoken Tibetan: Lhasa Dialect. Kathmandu: Ratna Pustak Bhandar (Bibliotheca Himalayica II/14), 1978. 407 p.
19. **Hahn M.** Lehrbuch der klassischen tibetischen Schriftsprache. 3., verbesserte Aufl. Bonn: Indica et Tibetica Verl., 1985. 364 S.
20. **Lehrbuch der Tibetischen Umgangs- und Schriftsprache:** auf der Grundlage von Khenpo Tshultrim Gyamtso Rinpoches Lehrtexten «Erscheinen von höchstem analytischen Wissen» und «Öffnen des Tores zu höchstem analytischen Wissen» / hrsg. und bearb. Albrecht Frasch. 2. Aufl. Berlin: Tashi-Verlag für Buddhistische Literatur, 2001. 214 S.
21. **Losang Thonden.** Modern Tibetan Language. Dharamsala: Library of Tibetan Works & Archives, 1986. 506 p.
22. **The New Tibetan-English Dictionary of Modern Tibetan** / M. Goldstein. Berkeley, Los Angeles & London: University of California Press, 2001. 1214 p.
23. **Tibetan-English Dictionary of Buddhist Terminology** / Tsepak Rigzin. Dharamsala: Library of Tibetan Works & Archives, 1986. 479 p.
24. **Tibetan-English Dictionary of Modern Tibetan** / Melvyn Goldstein. Kathmandu: Ratna Pustak Bhandar (Bibliotheca Himalayica II/7), 1978. 1234 p.
25. **Tibetan-English Dictionary with Sanskrit Synonyms** / Sarat Chandra Das, Rai Bahadur, Graham Sandberg & A. William Heyde. 1st edition revised and edited under the orders of the Government of Bengal. Calcutta: Bengal Secretariat Book Depot, 1902. 1353 p.
26. **Tibetan-Sanskrit Dictionary** / Lokesh Chandra. New Delhi: International Academy of Indian Culture and Aditya Prakashan, 1992-1994. 2137 p.
27. **Tomulic R.** Manuel de tibétain: parler de Lhasa. Paris: Arc-en-ciel, 1983. 547 p.
28. **Tournadre N. et Sangda Dorje.** Manuel de tibétain standard. Langue et civilisation. Troisième édition avec la collaboration de Françoise Robin, maître de conférences à l'INALCO. Paris: L'Asiathèque, 2009. 607 p.
29. **Tsetan Chonjore with Andrea Abinanti.** Colloquial Tibetan: a Textbook of the Lhasa Dialect. Dharamsala: Library of Tibetan Works & Archives, 2003. 340 p.

TO THE QUESTION ABOUT THE CREATION OF A PRACTICAL MANUAL ON COLLOQUIAL TIBETAN LANGUAGE

Dmitrii Vadimovich Val'kov, Ph. D. in History, Associate Professor
Department of Regional Researches
Faculty of Foreign Languages and Region Studies
Moscow State University named after M. V. Lomonosov
valkovdv@yandex.ru

The author pays special attention to one of the topical scientific-practical questions of native Tibet studies - the creation of a Russian manual on general colloquial Tibetan language for higher school and considers some theoretical and practical aspects of such work.

Key words and phrases: modern colloquial Tibetan language; manual; Tibet studies.

УДК 398:93/99(=512.212)

Статья посвящена проблеме соотношения фольклора и истории. В публикации предпринимается попытка обнаружения взаимосвязи фольклорного сюжета со сведениями, касающимися истории тунгусо-маньчжурских народов.

Ключевые слова и фразы: фольклор и история; фольклор эвенков; тунгусо-маньчжурские народы.

Александр Николаевич Варламов, к. филол. н.
Сектор эвенкийской филологии
Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера
Сибирское отделение Российской академии наук
ataki2006@yandex.ru

ФОЛЬКЛОРНЫЙ СЮЖЕТ И ИСТОРИЯ: К ВОПРОСУ О КОНТАКТАХ ТУНГУСОВ НА ВОСТОКЕ©

На протяжении тысячелетий фольклор являлся своеобразной художественной формой передачи разнообразной информации, в том числе, исторического характера. Тема историзма фольклорного наследия остается актуальной на протяжении длительного времени и, по мнению большинства исследователей, история и фольклор взаимосвязаны органически и «могут быть поняты только лишь друг через друга» [11, с. 51].

Изучение проблемы фольклорного историзма особо актуально для бесписьменных и младописьменных народов, фольклорные традиции которых наиболее тесно связаны с понятием «неписанная история». В архаическом фольклоре функциональные связи, связанные с конкретным бытом и этнической историей проступают явственнее, что определяется большей степенью инклюзивности - включенности «всей фольклорной культуры и отдельных конкретных ее слагаемых в систему жизнедеятельности этноса» [12, с. 59, 73]. Во вступительной статье ответственного редактора тома «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» А. Б. Соктоева по этому поводу сказано как нельзя точно: «У сибирско-дальневосточного фольклора, особенно ранних формаций, весьма тесные и специфичные связи с древним общественным бытом, этническими традициями, ранними формами религии, материальной культурой и искусством. В свою очередь, фольклор многое объясняет в перечисленных традициях и служит ценнейшим источником его изучения» [14, с. 46-47]. Именно в таком «первозданном» виде перед нами предстает архаический фольклор эвенков, содержащий единую систему мифологических, религиозных, нравственных и других представлений и норм, которые в целом отражают своеобразную историческую память этноса.

Не вдаваясь далее в теоретические экскурсы, касающиеся проблемы соотношения фольклора и истории, попытаемся рассмотреть взаимосвязь фольклорного сюжета и истории на примере конкретного текста. Для анализа избран текст восточных эвенков «На бок ни разу не упавший богатырь Бочок». Выбор обусловлен отчетливостью параллелей в фольклорном сюжете с историей тунгусов на востоке.

Данный текст довольно сложно однозначно отнести к какому-либо жанру и его можно условно обозначить «эпической сказкой» или «гумэ нимнгаканом» (говоримым, рассказываемым нимнгаканом) - сказания эвенков подразделяются сказителями на «говоримые» (гумэ нимнгакан) и «поющиеся» (нимнгакама нимнгакан) [7]. С одной стороны он не имеет классического героического содержания - нет персонажа заклятого врага и борьбы с ним, нет заповенных слов героев, что присуще эпической традиции эвенков. Вместе с тем, налицо присутствие четкой структуры, характерной для эпоса. Близость текста к эпосу подтверждается присутствием схожего эпического героя у восточных эвенков - «Олдониндиви Эхи Тыктэ Олдоныкан-мата - Не Падающий На Бок Богатырь Бочок» [13].

Приведем краткое содержание рассматриваемого нами текста «эпической сказки»: В горной тайге живет одинокий человек. Герой не походит на обычного человека - внешностью он напоминает двухлетнего ребенка, обладает огромным животом и практически не может двигаться. Однажды к нему приходит медведь, садит на свою спину и увозит в неведомую страну. В конце пути на берегу большого озера медведь покидает героя и передает его под покровительство большой свиньи, выплывшей из озера. Окунувшись при помощи свиньи в озеро, герой принимает облик богатыря. Волшебным образом свинья доставляет богатыря в поселение, где живут люди, которые затем отводят героя к неожиданно обнаружившимся кровным родственникам - старшему брату, матери и отцу. Объединившись, родственники решают двинуться в обратный путь. Достигают места, где жили люди, которые отвели богатыря к родне. Оказывается, что там никто уже давно не живет (по тексту проходит очень много времени). Оставив отца и мать, старший брат ведет богатыря к озеру, где живет большая свинья (оказывается, что мужчины племени героя испокон веков берут в жены девушек из племени свиньи). Достигнув озера, братья находят золотой чум-чорама - жилище с цилиндрической основой и конической крышей (наподобие эвенского жилища «чора»). Богатырь сватается к свинье, которая превращается в красивую девушку. Вместе с девушкой братья возвращаются к месту, где их ждут отец и мать. В этих краях они остаются жить.

Проанализируем текст, опираясь на сведения смежных наук и наши предыдущие исследования. Текст основан на типичном сюжете эвенков об одиноком герое и его путешествиях. Сюжет о путешествии героя-одиночки лежит в основе большинства эпических текстов эвенков и, по нашему мнению, корни этого фольклорного сюжета следует искать в самом процессе эволюционного развития тунгусской кочевой культуры, в основе которой лежит кочевой тип охотничьего хозяйствования. В предыдущих публикациях мы подробно рассмотрели взаимосвязь сюжета об одиноком герое и его путешествиях с крупнейшими миграционными процессами древних тунгусов [2].

По содержанию текста можно сделать предположение, что данный сюжет не является отражением первичных глобальных миграционных процессов прототунгусов, так как текст не содержит определяющих символических моментов, характеризующих образ и деяния героя-одиночки - первого человека («эвенков корень», «самое древнее время», «изобрел лук-самострел, чтобы поохотиться на лося», «искать новые земли богатые зверем отправился» и т.д.). В дальнейшем становится понятно, что путешествие героя в данном тексте символизирует повторные миграционные процессы древних тунгусов. Наиболее информативным культурным признаком, способным подтвердить предположение является присутствие образа медведя. Помощь медведя в путешествии героя отражает присутствие у тунгусов культовых воззрений, связанных с медведем-предком. В мировоззрении и фольклоре эвенков медведь-предок являлся первичным образом в эволюции образа первопредка эвенков в мужском облике [5, с. 31]. Более ранним образом в мировоззренческой и фольклорной традиции эвенков является женский образ лосихи-прародительницы. В эпических текстах о герое-одиночке, как правило, более выражен образ лося, присутствие которого в мировоззрении и фольклоре непосредственно взаимосвязано с эпохой первичного расселения прототунгусов в неолите, когда предки современных эвенков изобрели лук и приобрели новую кочевую культуру [2, с. 17].

Подтверждением выдвинутому предположению является тот факт, что в рассматриваемом нами тексте герой-богатырь в новых местах встречает своих кровных родственников. Более того, его родители имеют

наиболее распространенные, знаковые имена эвенкийского эпоса. Отцом богатыря оказывается, известный, по многим сказаниям, Умусликэн-одинокка, а матерью - не менее распространенная эпическая героиня Секанкан-сережка. В эвенкийской эпической традиции эти имена являются символами контактов бродячих охотников на лося - тунгусов и их восточных соседей - аборигенов Дальнего Востока [6, с. 147].

В тексте герой, имеющий тотемным существом медведя, соединяется в браке с девушкой из племени, имеющем тотемом свинью. На наш взгляд, этот брак символичен и, вероятно, является отражением процесса повторных миграций тунгусов, в результате которых они контактируют на востоке с разноплеменными формациями, обозначаемыми в истории под названиями илэ, шивеи, мохэ, образованными ранее в результате смешения древнего тунгусского пласта и аборигенного населения Приамурья [4]. Известно, что названные племена на определенном этапе истории в качестве основного домашнего животного имели свинью, что подтверждается сведениями древнекитайских исторических летописей: «Илэу есть древнее царство Сушень... Обитают по горам и лесам. Климат очень холоден. Обыкновенно живут в ямах, и чем глубже, тем почетнее. В богатых домах делают до девяти ступеней. Любят разводить свиней. Питаются мясом их, одеваются кожами их. Зимой, для защищения своя от стужи, намазывают тело свиным жиром, толщиною в несколько линий» [1, с. 24]. Возникновение свиноводства на Дальнем Востоке связывается археологами непосредственно с проникновением в Приамурье северных охотничьих племен: «Следующий, более поздний комплекс, связан с проникновением на эту территорию северных племен таежных охотников и рыболовов Восточной Сибири, которые проникли через Амур на территорию Маньчжурии. В результате контактов таежных северных племен и земледельцев юга возникает новая культура земледельцев и скотоводов (свиноводство)» [8, с. 64].

Следы древних контактов отчетливо прослеживаются в ряде археологических культур Дальнего Востока: «Северные тунгусские элементы в культуре нанайцев и других народов Амура прослеживаются особенно отчетливо. В Приамурье об этом свидетельствуют археологические находки в Сорголе, устьях Уссури и Амура (конец II - начало I тысячелетия до н.э.). В Приморье с ними связывают ольгинскую археологическую культуру. По мнению А. П. Окладникова первоначально сибирские таежные группы проникли в бассейн Нижнего Амура в конце неолита, а затем появлялись здесь многократно» [9, с. 21-22].

Присутствие отчетливо выраженных тунгусских признаков в археологических культурах дальневосточного региона и обилие исторических сведений в древних документальных источниках послужило предметом научной дискуссии о прародине тунгусов. С. М. Широкогоров в свое время выдвинул теорию о южном происхождении тунгусов. Прародиной тунгусов он называл междуречье рек Хуанхэ и Янцзы, откуда тунгусы распространились на северо-запад, достигнув Забайкалья-Прибайкалья и расселившись далее на север в сторону побережья Ледовитого океана, на северо-запад, а также на северо-восток [15]. Основанием для возникновения теории о южном происхождении тунгусов являлись некоторые культурные признаки (распашной тип одежды), а также исторические сведения о наиболее значительных событиях в истории тунгусо-маньчжуров, происходивших именно на Востоке.

На наш взгляд, предположение о длительном взаимобразном обмене тунгусов на Дальнем Востоке, начиная с эпохи неолита, весьма точно отражает ход исторического развития тунгусо-маньчжурских народов - зародившись в горно-таежной местности Прибайкалья и Забайкалья, предки эвенков в своей массе двигались в восточном направлении. Восточное направление путешествий героев эвенкийских эпических произведений, в целом, соответствует выводам ученых о перемещении предков эвенков из Прибайкалья и Забайкалья в Приамурье, Приморье и Северный Китай, где сформировались многие народы, относимые ныне к тунгусо-маньчжурской группе.

Таким образом, в рассмотренном тексте восточных эвенков, по нашему мнению, весьма отчетливо отражены исторические процессы этногенеза и истории тунгусо-маньчжуров на Дальнем Востоке. Проведенный анализ демонстрирует перспективность изучения фольклора бесписьменных народов в свете актуальной проблемы соотношения фольклора и истории.

Список литературы

1. Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М. - Л.: Изд-во АН СССР, 1951. Т. 2. 335 с.
2. Варламов А. Н. Женский образ прародительницы в фольклоре эвенков // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2009. № 117. С. 150-156.
3. Варламов А. Н. Исторические корни мотива путешествия одинокого героя: по материалам фольклора эвенков // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2009. № 110. С. 142-149.
4. Варламов А. Н. Исторический процесс миграций древних тунгусов в эпических традициях восточных эвенков // Типы героических сказаний эвенков: памятники этнической культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Наука, 2008. Т. 20. С. 208-227.
5. Варламов А. Н. Образ медведя-предка в фольклоре и мировоззрении эвенков // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2009. № 115. С. 178-184.
6. Варламов А. Н. Специфика историзма в фольклоре эвенков: автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Элиста, 2011. 429 с.
7. Варламова Г. И. Эпические традиции в эвенкийском фольклоре. Якутск: Северовед, 1996. 134 с.
8. Деревянко А. П. Историография каменного века Приамурья // Материалы по археологии Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Наука, 1972. Ч. I. С. 38-66.
9. История и культура нанайцев: историко-этнографические очерки / С. В. Березницкий, Е. А. Гаер, С. Ф. Карабанова и др. СПб.: Наука, 2003. 194 с.

10. **На бок ни разу не упавший богатырь Бочок:** эвенкийские сказки / зап. и пер. Г. Варламовой // Антология фольклора народностей Сибири и Дальнего Востока. Красноярск, 1989. С. 189-197.
11. **Налепин А. Л.** Изучение проблем историзма в американской фольклористике: критический анализ // Фольклор: проблемы историзма. М.: Высшая школа, 1988. С. 42-70.
12. **Пропп В. Я.** Фольклор и действительность: избранные статьи. М.: Наука, 1976. 326 с.
13. **Сказания восточных эвенков** / сост. Г. И. Варламова, А. Н. Варламов. Якутск: ЯФ ГУ; Изд-во СО РАН, 2004. 235 с.
14. **Эвенкийские героические сказания** / сост. А. Н. Мыреева. Новосибирск: Наука, 1990. 392 с.
15. **Shirokogoroff S. M.** Social Organization of the Northern Tungus. Shanghai, 1929. P. V-VI.

FOLKLORE PLOT AND HISTORY: TO THE QUESTION ABOUT THE TUNGUSES' CONTACTS IN THE EAST

Aleksandr Nikolaevich Varlamov, Ph. D. in Philology
Sector of Evenk Philology
Institute of Classical Researches and Northern Smaller Peoples' Problems
Russian Academy of Sciences (Branch) in Siberia
ataki2006@yandex.ru

The article is devoted to the problem of folklore and history correlation. The author undertakes the attempt to discover the interconnection of folklore plot with the data concerning the history of Tungus-Manchurian peoples.

Key words and phrases: folklore and history; Evenk folklore; Tungus-Manchurian peoples.

УДК 398:93/99(=512.212)

Статья посвящена актуальной проблеме соотношения фольклора и действительности. На примере устного народного творчества эвенков анализируется процесс изменений в жанровой специфике фольклора и его способность к адаптации в условиях изменения окружающей среды и идеологии.

Ключевые слова и фразы: фольклор и действительность; фольклор эвенков; адаптация фольклора.

Александр Николаевич Варламов, к. филол. н.

Галина Ивановна Варламова, д. филол. н.

Сектор эвенкийской филологии

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера

Сибирское отделение Российской академии наук

ataki2006@yandex.ru

ФОЛЬКЛОР И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: НА ПРИМЕРЕ ЭВЕНКОВ©

Тема соотношения фольклора и действительности привлекает внимание исследователей со времен разработки теоретических вопросов отечественной фольклористики. На специфические свойства фольклора как источника информации, сохраняемой и передаваемой в соответствии с традициями устного народного творчества, указывали ведущие отечественные фольклористы: «Действительность передается не прямо, а сквозь призму известного мышления, и это мышление настолько отлично от нашего, что многие явления фольклора бывает очень трудно сопоставить с чем бы то ни было» [5, с. 26-27]. Б. Н. Путилов, анализируя соотношения исторической действительности и фольклора, подчеркивает, что этот вопрос следует рассматривать «не как отношения истоков и «отражений», а как равнозначные по функциям и синхронные по существу выражения одного содержания, единого понимания мира» [6, с. 21].

В основе соотношения фольклора и действительности лежит специфическая функция устного народного творчества - вовлеченность в повседневную жизнь общества. Такое органическое качество фольклора как «инклюзивность» явственно проявляется при исследовании устного народного наследия бесписьменных народов. Это обусловлено, в первую очередь, древними традициями общества, когда фольклор на протяжении длительного времени являлся основной копилкой народных традиций и средством передачи информации. Именно в таком виде предстал перед первыми исследователями фольклор аборигенов Сибири. Рассмотрим обозначенную взаимосвязь на примере устного народного творчества эвенков.

Фольклор эвенков долгое время находился в стабильном состоянии, когда все основные жанры были так или иначе вовлечены в повседневную жизнь общества. Все важные события в истории этноса или жизни рода в соответствии с жанровой спецификой находили отражение в устном народном творчестве. Подобное стабильно-востребованное состояние было обусловлено сохранностью традиционного кочевого образа жизни и отсутствием альтернативных способов сохранения информации. Даже такое крупное явление в жизни народов Сибири как приход русских, не повлияло существенно на функционирование эвенкийского